

Монфиль

«...однако волшебница отомстила и заточила принца в каменной башне без крыши. Там его опаляло солнце, там он мок под ливнями и снегопадами, не имея возможности укрыться от них. Лишь раз в сутки волшебница посылала ворона, который пролетал над башней и приносил крошку, черную и горькую, как желчь, да глоточек воды...»

Танко умолк. Остальные мальчишки, сидевшие с ним на бревне, не сводили с него глаз. Флорин отчетливо чувствовал изнурительную жажду и привкус горечи во рту.

— А дальше? — поинтересовался Зенна. — Что было с принцем дальше?

Углубившись в размышления, Танко поднял с земли округлый кусочек мха и, поглаживая его, словно маленького пушистого зверька, продолжил рассказ.

«Принц громко стонал, претерпевая муки, но лишь молчание неба да завывание ветра слышались в ответ. А волшебница решила усилить его страдания и послала к нему орла, который...»

Тут в ближайших кустах послышался громкий треск, и мальчишки вздрогнули.

— Какое величественное зрелище, — донесся до них знакомый голос. Заслышав его, они сразу спрыгнули на землю. — Будущие господа Монфиля расселись, как голубки́ на ветке, и страшат друг друга старушечьими байками. Что им до занятий на плацу? Пусть старый граф Урсио учит сражаться соломенных чучел!

Кусты раздвинулись, и на лесную поляну вышел седовласый мужчина. Невысокий и жилистый, с ловкими проворными движениями и лицом будто из выдубленной кожи. Несмотря на свой весьма почтенный возраст — по крайней мере, ученикам он казался древним как мир, — граф Урсио по-прежнему носил кожаный военный мундир, а ноги его защищали железные доспехи. На четверых юнцов он надвинулся так, будто придумывал им подходящее наказание. Пронзив каждого из них взглядом, граф остановился перед Танко и принялся раскачиваться на мысках, предвкушая нападение.

— Отчего же ты не продолжаешь?

Смущенный Танко смотрел себе под ноги.

Граф набрал побольше воздуха.

— Краснобай! — грозно выпалил он. — Фантазер, строящий воздушные замки! Трави свои побасенки прачкам! — Урсио облаивал Танко, как взбесившаяся лгавая. — Неудивительно, что тебя сшибет с лошади любой крестьянский олух! Хочешь стать рыцарем короля? А станешь рыночным зазывалой! Я дам тебе

большой колокольчик, будешь развлекать чернь вместе с паяцами и глотателями огня!

Стоявший рядом Радбод не смог сдержаться смешка. И тут же поплатился: граф Урсио мгновенно налетел на него.

— Что ты хочешь этим сказать, мальчишка? — поддев его подбородок, он поймал его взгляд. — Что скажет твой высокородный отец, если я отправлю тебя обратно в ваш очаровательный замок? Пусть мамки и няньки еще пару лет поведут тебя на помочах, прежде чем посылать тебя в Королевскую школу оруженосцев!

Радбоду было почти тринадцать, но он, к своему стыду, был малого роста и хрупкого телосложения. Сжав губы, он проглотил это немислимое оскорбление.

— Но самый главный остряк у нас вот кто! — граф отошел от Радбода и повернулся к Зенне, который был выше его почти на голову. — Ты мнишь себя лучшим среди этой шатии-братии? Хочешь стать следующим оруженосцем принца после Штурмия? — Чем выше поднимал голос граф, тем сильнее съеживался Зенна. — Поведай мне, что б ты предпринял, если бы посреди вашей сказки здесь показалась орава грязных винландцев? Превратил бы их в жаб с помощью волшебного заклинания?

Зенна осмелился возразить.

— Граф Урсио, вам прекрасно известно, что так близко к замку Монфиль не подойдет ни один...

— Ты туда посмотри! — перебил его старый учитель фехтования. И указал на высокого юношу, стоявшего

на краю поляны, опершись на меч. — Разве Штурмию интересны ваши детские сказки? Нет, он всегда насто- роже, как и полагается оруженосцу принца. Остается надеяться только на него!

Штурмий крепче сжал рукоять меча, изо всех сил стараясь не возгордиться.

Старый граф еще раз прошелся перед мальчи- ками.

— Прачка... — презрительно проворчал он, — дитя- тя... остряк-самоучка... — И, молитвенно сложив руки, произнес: — Святой Георгий Победоносец, благород- ный воин! Помогите мне, пусть эти мальчишки наконец повзрослеют!

Флорин прикусил губу, чтобы не ухмыльнуться.

— Граф Урсио, — учтиво проговорил он, — похоже, вы забыли меня.

— Мне не подобает упрекать вас, — с легким покло- ном пояснил граф. — Вы сами прекрасно знаете, что вам всегда надлежит служить примером вашим спут- никам!

Достав из кармана песочные часы, граф Урсио по- ставил их на пенек.

— Извольте оказаться на плацу до того, как истечет время, — прорычал он. — В доспехах, с мечами и щита- ми, или я вам устрою хорошую жизнь. И не вздумайте переворачивать часы!

Последний грозный взгляд — и Урсио исчез между деревьями.

— Бр-р-р! — встряхнулся Радбод, как собака после дождя.

— Таковы методы старой легавой, — сказал Зенна. — Незаметно подкрался пешком! Будь он верхом, мы бы его за полмили¹ услышали.

— Если б мы во всем слушались графа Рубаку, то не выходили бы из замка, — посетовал Танко. — Даже спали бы вооруженные до зубов.

— Граф Урсио каждую ночь спит в полном вооружении, — подтвердил Флорин. — Что же он будет делать, если и впрямь настанут мирные времена?

— Придумает новую опасность, — мрачно возвестил Танко, — и снова будет нас изводить. Муштра и схватки нужны ему как воздух.

— Похоже, нам придется сражаться под дождем, — заявил Радбод, бросив на небо оценивающий взгляд. — Но это ведь не помеха? — И добавил голосом графа Урсио: — Что бы вы стали делать в сражении, неженки вы мои? Попросили бы винландцев подождать, пока погода наладится?

Танко озабоченно взглянул на песочные часы — половина отведенного им времени уже истекла.

— Давайте лучше пойдем.

— Только не станем торопиться. — Зенна невозмутимо достал из кармана иглу из слоновой кости и, макнув ее в древесную смолу, склонился над песочными часами графа. — Сначала узнаем, выдержит ли он.

— Кто выдержит что? — Танко непонимающе смотрел на приятеля.

¹ Немецкая миля примерно равна 7420 метрам. — *Здесь и далее — примеч. пер.*

— Принц, заточенный в башне, — пояснил Зенна, проткнув прицельным уколом кожаную крышку песочных часов. Песок тут же налип на смолу и перестал сыпаться вниз. — По глоточку воды и крошке желчи! Наш-то принц негодует, если у него на столе не теснится дюжина его любимых яств. — Он ткнул Флорина в бок. — Даже удивительно, ваше королевское высочество, что вы при этом так стройны.

— Ты тоже порядком раздобрел, — отозвался Флорин. — За три года в Монфиле ты вдвое вырос. И вверх, и вширь!

— А вы не завидуйте! — Зенна быстро вытянул иглу обратно. — Итак, друзья, — удовлетворенно сообщил он, — раз эта проблема решена, что вы скажете, если по дороге на плац мы немного заблудимся?

— В лесном доме! — хором воскликнули Флорин и Радбод.

Так они называли заброшенную хижину отшельника. Она располагалась неподалеку от замка Монфиль в густых зарослях ельника и ежевики. Мальчики наткнулись на нее случайно во время охоты на оленя. Идеальное место встречи грядущей зимой.

— Нет, так нельзя! — Танко с опаской покосился на неисправные песочные часы.

— А их никто не трогал, — заявил Зенна. — Они сами остановились. Графу Урсио следовало заполнять их более мелким песком.

— Он нам головы оторвет.

Зенна нетерпеливо вздохнул.

— Как тебе удается выдумывать такие захватывающие истории, оставаясь таким трусишкой?

«И правда», — подумал Флорин. Казалось, Танко расходует все свое мужество, смекалку и авантюризм, рассказывая истории.

— В лесной дом! — решительно воскликнул Зенна. — Веди нас, мой принц, — тут он отвесил изящный поклон. — Тебе же надлежит всегда служить примером спутникам!

На полдороге их застиг проливной дождь. Друзья бросились наперегонки, а за ними припустил Штурмий, оруженосец Флорина с громоздкой портупеей. К дому они прибежали, смеясь и вымокнув до нитки. Зенна и Радбод галантно придержали для принца скрипучую дверь — чтобы тут же захлопнуть ее перед носом Штурмия.

— Ты хорошо придумал, Штурмий, охранять нас снаружи! — крикнул Радбод сквозь закрытую дверь. — На тебя можно положиться!

— Бедняга Штурмий, — примирительно произнес Зенна. — Караулить под таким ливнем... Непростая это работа — быть оруженосцем принца. Я еще хорошенько подумаю.

— Думай-думаю, — согласился Флорин, прекрасно зная, как Зенне хочется заполучить это место. И огляделся. Две недели назад он уговорил лесника тайно привести в порядок этот домик. Внутри было чисто и уютно, на полу лежали свежие циновки и туго набитые соломой тюфяки. В выложенном из камней очаге были приготовлены сухие поленья.

— Погодите-ка, — Радбод вытащил из кармана кремень и трут. — Сейчас мы все устроим.

Вскоре в очаге заплясало пламя, а юноши подтащили тюфяки поближе к огню и принялись сушить промокшую одежду.

— Отец подумывает отстранить графа Урсио от дел, — выдал секрет Флорин. — Когда он вернется из Норландии, нашей подготовкой мог бы заняться герцог Бонидзо.

— Серьезно? — глаза друзей Флорина вспыхнули. О ратных подвигах герцога Бонидзо слагались легенды.

— Тогда уж вам точно придется расширить школу оруженосцев, — сказал Радбод. — А то наша спальня трещит по швам.

В школе насчитывалось двадцать учеников. Король Филипп основал ее, чтобы его единственный сын, будущий король Монфиля, рос вместе со сверстниками. Со всей страны были приглашены ко двору в качестве учителей ученые монахи и опытные воины, и все знатные семьи Монфиля мечтали, чтобы хоть один их отпрыск прошел обучение вместе с принцем.

— Герцог Бонидзо наверняка возглавит личную охрану твоего отца, — с завистью произнес Зенна. — Когда же придут вести? Будь гонец проворней, он бы уже давно прискакал!

— Но ему пришлось бы уехать сразу по прибытии в Норландию, — возразил Радбод. — Зачем королю Филиппу высылать гонца, когда еще не о чем докладывать?

— И то верно, — подтвердил Танко, растирая руки у огня. — Гонцы придут в ближайшие дни, вот уви-

дите. А чтобы вы не сгорали от нетерпения, я уже сейчас могу сказать вам, что они сообщат.

— Неужто ты записался в ясновидцы? — улыбнулся другу Флорин.

— Как знать, — загадочно ответил Танко. — Во всяком случае, начало моей истории — чистейшая правда. Итак, слушайте.

Устроившись поудобнее на тюфяке, он начал:

— *Были однажды на свете два королевства — Винландия и Монфиль...*

— Были однажды, — проворчал Зенна — Пусть эта Винландия провалится в тартарары, а Монфиль пребудет во веки вечные!

— Не перебивай! — нахмурился Танко. — *И вели они между собой войну. Войну столь давнюю, что ее истоки терялись во тьме минувших лет...*

— Эта война — моя ровесница, — сухо заметил Зенна. — Ей четырнадцать лет.

— И любому младенцу известно, почему она началась, — добавил Радбод. — Жадный Теодо Винландский положил свой гнойный глаз на наши серебряные копи!

Танко решительно скрестил на груди руки.

— С меня хватит!

— Пожалуйста, продолжай, — попросил Флорин. Слушать о жизни, как о сказке, было по-своему увлекательно. — Ради меня!

— Только ради тебя, — смилостивился Танко.

— *Война была бесконечной и безжалостной — прежде всего потому, что ни одно из королевств не могло одержать*

победу. Временами наступало обманчивое перемирие, и бойцы зализывали раны, а измученный народ переводил дух. Но тем сильнее лютовали после него воинственные рати, грабившие города и деревни, сжигавшие дома и церкви, опустошавшие поля. Так было в Монфиле, и так было в Винландии.

— Это правда, — тихо подтвердил Флорин.

И хотя война благодаря хитроумному оборонительному кольцу никогда не приближалась к замку Монфиля ближе чем на сотню миль, военачальники нередко рассказывали о ее ужасах.

— Так продолжалось из года в год. Пока однажды весной винландский король Теодо...

— Этой весной, — поправил Радбод.

— ...пока однажды весной винландский король Теодо совершенно неожиданно не предложил мир. В Монфиле отнеслись к этому с большим подозрением...

И это мягко говоря. Первое винландское посольство угодило в темницу, не успев передать слова своего короля. Выпустили их только по настоящему приказу короля Филиппа.

...однако король Теодо изо дня в день продолжал посылать гонцов. И те неустанно прибывали с одним и тем же известием: винландский король хочет заключить с Монфилем мир.

«Пока мы наконец не поверили ему», — подумал Флорин.

— Ранним летом, когда майские жуки только-только уступили поля июньским хрущам, парламентарии обеих сторон встретились у пограничной речки Завиды. Винландцы остановились на западном берегу, а монфильцы — на

восточном, и самые горластые из дружин принялись выкрикивать условия своих королей...

— Вот я бы им крикнул! — воодушевленно воскликнул Зенна.

— Когда крикуны охрипли, стороны договорились о встрече враждовавших королей. Не в Винландии или Монфиле, а на нейтральной территории: в Норландии, при дворе короля Зихара...

— Где едят улиток и лягушачьи лапки, — с содроганием добавил Радбод. — Надеюсь, монфильцы будут внимательно рассматривать то, что им подают.

— Жарко палило с небес солнце, когда король Филипп отправился с блистательной свитой в Норландию...

С тех пор минуло шесть недель. Замок Монфиль будто осиротел: более трехсот человек, включая весь королевский совет, сопровождали Филиппа в этой поездке.

— ...куда прибыл целым и невредимым спустя две недели.

— Вот это уже пророчества, — вставил Зенна.

— Именно об этом расскажут гонцы, — ответил Танко. — Они поведают, что король Винландский с нетерпением ждал короля Филиппа, — уголки рта у Танко дернулись. — Расскажут они и о том, что король Винландский — лысый, беззубый и вонючий толстяк, страдающий плоскостопием...

Мальчишки рассмеялись.

— Прекрати, Танко, — сказал Флорин. — Ты понятия не имеешь, как он выглядит.

Танко закрыл глаза.

— Под хвалебные гимны и звон колоколов, — торжественно продолжил он, — короли обменялись примиряющими

поцелуями, и оба королевства заключили вечный мир. Празднование этого события лилось целый год. Кульминацией стала свадьба монфильского кронпринца и винландской принцессы...

Радбод и Зенна прыснули со смеху.

— Все-таки хорошо, что ты у нас не ясновидец, — воскликнул Зенна.

Взглянув на Флорина, Танко немного помедлил:

— Ну, во всяком случае... *мир наступил и продолжался вечно, а все люди жили счастливо до конца своих дней.*

— Дай-то Бог, — произнес Флорин совершенно серьезно.

— Твоими устами только мед пить, — буркнул Зенна. — А теперь, Танко, расскажи, наконец, что там орел учинил с принцем в башне.

За вечерней трапезой они молча выслушали ответ канцлера Артольда, изобилующую такими понятиями, как долг, образец, ответственность и уважение. Граф Урсио сидел рядом, удовлетворенно скрестив руки. Вероятно, он был бы весьма разочарован, услышав перешептывание канцлера с принцем, когда они прощались на ночь.

— Как же вам удалось остановить песочные часы?

— Сосновой смолой, — шепнул в ответ Флорин.

— Зенна, не так ли? — Артольд одобритительно кивнул. — Ох, хитрец! А какую западню он устроил перед обогревательной наших досточтимых ученых отцов. А какой неподобающий рыбий пузырь он подложил на стул монсеньора Федерино, а? — на лице канцлера

расплылась улыбка. — Он лопнул так, что его преподобие чуть сквозь землю от стыда не провалился.

— Нет уж, позвольте, — со скромной гордостью сказал Флорин, — рыбий пузырь подложил я.

— Изобретательность — неоценимый Божий дар, — с серьезным видом заявил Артольд. — Однако в ближайшее время вам следует применить ее к геометрии или латинской грамматике. Иначе все сочтут, что я, старый осел, дал ватаге озорников обвести себя вокруг пальца.

На следующее утро Флорин проснулся от продолжительного стука в дверь.

— Прошу прощения, мой принц, но уже пора, — донесся из-за двери голос гофмейстера. — Люди выстроились в длинную очередь у ворот замка.

— Что такое?! — непонимающе воскликнул Флорин, сев в кровати.

Дверь отворилась, и в комнату вошел граф Майнрад. Несмотря на ранний час, он уже был в официальном темном костюме с золотой цепочкой и связкой ключей — знаками своего служебного положения.

— Вы ведь не позабыли про аудиенции? — улыбнулся граф, отодвигая полог кровати. — Боюсь, канцлеру Артольду это не понравится.

День аудиенций! Флорин на мгновение прикрыл глаза. Потом разом соскочил с кровати.

— А где Рамон? — спросил он. — Почему он меня не разбудил?

Ответ не заставил себя ждать: с кровати камердинера послышалось сладкое похрапывание.

Гофмейстер откашлялся.

— Буду ожидать вас в тронном зале, — сказал он Флорину и тихо затворил за собой дверь.

— Рамон, подъем! — Одним движением Флорин стянул со своего слуги одеяло. — Ты же слышал, все уже ждут.

— Спешу-спешу, мой принц, лечу, — Рамон наконец-то высвободил свою растрепанную голову из подушек. И, протяжно зевнув, добавил: — Только сначала протру глаза.

Чуть позже, с куском сливового пирога в руке Флорин помчался в сторону тронного зала, а за ним ринулся Штурмий, уже карауливший у двери в сапогах со шпорами. К счастью, граф Майнрад еще не открыл ворота замка, и Флорину хотя бы не пришлось пробираться сквозь толпу просителей. Хватало и своих ожидающих и кланяющихся писарей, канцеляристов, стражников и пажей.

— Королей украшает пунктуальность, мой принц, — насупился канцлер Артольд. — Можно начинать?

Пока Штурмий с обнаженным мечом устраивался за спинкой трона, Флорин быстро проглотил кусок пирога и занял свое место. Полгода назад, в день двенадцатилетия Флорина, король Филипп пожаловал единственному сыну титул регента. То была обычная мера приучения кронпринцев к ответственности, и Флорин гордился оказанной ему честью и доверием со стороны отца.

Хотя от некоторых новых обязанностей он предпочел бы отказаться. «Давать аудиенцию» — он еще по-